

Летающий
АРХИЕРЕЙ

Ираида Ивановна Легкая Летающий архиерей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36623027

Летающий архиерей: Посев; Москва; 2014

ISBN 978-5-85824-210-5

Аннотация

Описание жизни епископа Русской Православной Церкви Заграницей Иоанна Легкого (1907–1995), его семьи и близкого ему духовенства. Сокращенная версия текста была опубликована в «Новом Журнале» (Нью-Йорк), № 264 и 271.

Содержание

Летающий архиерей	7
Тартак – Двинск – Рига	9
Псковская миссия	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

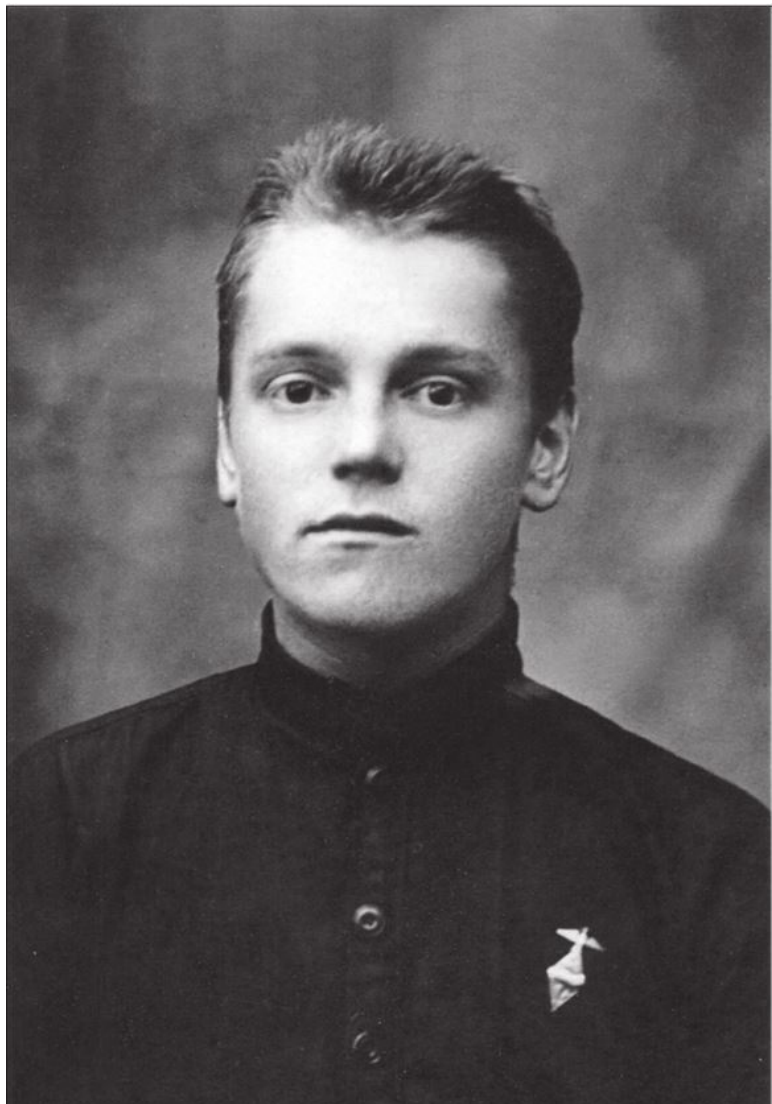
Ираида Легкая

Летающий архиерей

© НП «Посев», 2014

© Легкая И. И., 2014

*** * ***

Иоанн Лезкий (1907–1995) в молодости

Летающий архиерей

«Ваня, нарисуй нам еще одного архиерея», – просили младшие братья и сестры, и Ваня рисовал архиерея в полном облачении, с широко расставленными ступнями, – единственное, что он умел рисовать. В многодетной семье священника Ваня был вторым сыном. Его и младшую сестру Нину мать особенно любила за их врожденную доброту, граничащую с наивностью. Мать Вани (моя бабушка) – Мария Иосифовна, полька по происхождению, перешла в православие. Отец Вани (мой дедушка) – Савва Феодосьевич, родом из белорусского села Белицы, до того как принять сан священника, был железнодорожником. «Жили они очень дружно. Всегда стояли друг за друга горой», – вспоминает моя двоюродная сестра Тамара, воспитывавшаяся в семье дедушки. Моя бабушка родила шестнадцать детей, шестеро из них умерли в младенчестве. В годы развала Российской империи семья жила в Двинске (ныне – Даугавпилс, Латвия. – *И. Л.*). Приходилось трудно, попробовали открыть продуктовую лавочку. Жалостливая бабушка подкармливала своих ребят и их друзей. Предприятие долго не продержалось. В школе в первом классе, когда учительница раздала ребятам свидетельства, мальчишки подучили доверчивого Ваню поставить самому себе отметки. Учительница прореагировала строго. Поставила двойку за поведение и написала: «Отмет-

ки ставит сам». Как с таким свидетельством показываться родителям? Мальчишки снова научили, получилось: «Поведение два. Отметки ставит сама». Тут уже учительница сообразила, в чем дело.

Церковь Ваня полюбил с детства. Был прислужником и чтецом в Двинском Александро-Невском соборе. Он окончил Двинскую гимназию, Рижские педагогические курсы, Рижскую духовную семинарию. Впоследствии изучал богословские науки в Рижском университете. До возведения в сан священника Иван Саввич Легкий женился на Екатерине Яковлевне Перминовой, дочери Якова Амвросиевича и Феодоры Парфеньевны. Дед был железнодорожником, умер рано от разрыва сердца. Бабушку мы с сестрой помним как женщину суровую и строгую. В семье мамы было три сына и две дочери. Папа вспоминал, что его впечатлило, как мама цитировала русских классиков, греясь у печки. А мама: «Я увидела, что человек хороший, добрый. И священнику разводиться не положено».

Тартак – Двинск – Рига

«Возведшим меня на священническое служение был приснопамятный Архиепископ Рижский и Латвийский Иоанн (Поммер), ставший священномучеником. Его назначил в 1921 году на Рижскую кафедру Святейший Патриарх Тихон, сказавший ему: “Ты – муж борьбы”, и давший ему автономное право управлять Латвийской Церковью, поскольку она находилась в самостоятельном государстве. Владыка Иоанн рукоположил меня во иереи 1/14 сентября 1931 года с назначением в Коплавский приход бывшей Курляндской губернии», – говорил отец при наречении его во епископа.

Молодожены жили два года в семье дедушки, отца Саввы, у которого был приход в Тартаке. Помимо священнослужения папа заведовал четырехклассной начальной школой в местечке Юганино, вел Закон Божий и преподавал арифметику. Ездил туда на велосипеде. В 1932 году у отца Иоанна и матушки Екатерины родилась первая дочь, Ираида. Роды были трудными. Тетя Нина незадолго до своей смерти в 2001 году вспоминала: «Я помню день твоего рождения. Твоя крестная, тетя Нюра (сестра матери), отправила нас в лес за черникой, а бабушка дала нам с Леной (сестра отца) большую корзину, чтобы дольше задержались в лесу и не ви-

дели, как тебя “аист принес” на свет 1 июля 1932 года. Тогда так говорили о рождении ребенка. Бабушка, как я позже узнала, послала за акушеркой. Тебя все в семье считали не по годам умной и развитой. Я помню, как ты в двухлетнем возрасте декламировала М. Ю. Лермонтова “По синим волнам океана”. И тебя наши прихожане величали барышней и называли на “Вы”. А мы смеялись». Мы переехали в Двинск, когда мне было два года. Единственное воспоминание о деревне – темный, таинственный колодец. И еще коровы, которые мне очень нравились. В Двинске у моих родителей родилась вторая дочь – Галина. Когда мама спросила меня: «Куда мы положим девочку?» – я ответила: «Под кровать, чтоб ее мыши съели».

«В 1934 году владыка Иоанн назначил меня вторым священником в Двинский Александро-Невский собор, где я в отроческие и юношеские годы был прислужником и чтецом и в трудные времена помогал священникам при отправлении служб и треб. Памятен мне этот собор тем, что в былые времена настоятелем его был отец Петр Белавин, родственник Святейшего Патриарха Тихона. Грустно памятен он мне и тем, что известный законоучитель Двинской женской гимназии отец Феодор Румянцев в 1919 году был расстрелян. Я видел его лежащим в гробу. Вспоминается мне и убиенный отец Петр Цитович, на отпевании которого я был. С грустью вспоминаю я этот собор сейчас, потому что его, увы! – уже нет. Он был снесен с

лица земли. То же сделала безбожная власть и с Двинской Успенской церковью. В обоих этих храмах я неоднократно служил».

В 1934 году Латвийскую Православную Церковь громом поразила весть о злодейском убийстве архиепископа Рижского Иоанна. «Преемник владыки Иоанна, митрополит Августин, мой законоучитель, назначил меня на должность священника Рижского Свято-Троице-Сергиевского женского монастыря», – вспоминал отец.

«Основательницами монастыря были Мария Николаевна Мансурова и ее дочери Екатерина Борисовна и Наталья Борисовна. Они открыли в мае 1891 года детский приют и богадельню. Свято-Троицкая община была утверждена в ноябре 1892 года. В 1893 году была освящена церковь во имя преподобного Сергия Радонежского, покровителя общины. Деньги на постройку собирали в Риге. Двадцать девять тысяч рублей пожертвовал император Александр III. Одним из жертвователей был преподобный Иоанн Кронштадтский, посетивший общину в 1894 году и предсказавший ее процветание. Вместе с храмом возникли три деревянных корпуса, один – примыкавший к храму, здание, где помещался приют со школой и просфорня с хлебной, караульная и причтовый дом. Позже сторожка была переделана в свечной завод. В 1909 году основательницу общины постригли в монашество с именем Сергии и возвели в сан игумены. Новый монастырь был открыт 19 мая 1902 года.

Новый каменный собор был освящен в 1907 году. На постройку его император Николай II пожертвовал семьдесят пять тысяч рублей. В монастыре также была столовая для бедных, где ежедневно кормили более 150 человек».

(Сведения почерпнуты из «Всеобщего путеводителя по монастырям и святым местам Российской империи». Нижний Новгород, 1907.)

В Ригу наша семья переехала в 1936 году. Мне было четыре года, сестре два. Поселили нас в домике неподалеку от коровника. В первое же утро я поднялась рано и туда побежала, уж очень хотелось посмотреть на коров. «Мадам Свекла, мадам Свекла», – громко позвала я монахиню. Звали ее мать Фекла. Она страшно обиделась, и маме долго пришлось ее утешать и уговаривать, что, мол, девочка привыкла к городской жизни и не знает, как обращаться к монахиням. Позднее нас переселили в другой дом, с кустами сирени и цветочными клумбами перед домом и с огородом сбоку. В наш прежний дом поселили второго батюшку – отца Николая Виеглайса с женой и двумя дочерьми. Виеглайс по-латышски значит – «легкий», и в Риге много потешались над таким совпадением. Отец и о. Николай были очень дружны, относились друг к другу со вниманием и уважением. А мы дружили со старшей дочкой его Наташей. Марина была младше нас. Мою сестру в монастыре прозвали монастырским гудком, голос у нее был звонкий, и временами она громко редела. Как-то, накануне ее дня рождения, мама ее уговаривала:

«Вот завтра день твоего рождения, ты теперь будешь большой девочкой и перестанешь громко плакать». Галя проснулась и, увидев, что рост ее не изменился, завопила.

В детской комнате стоял застекленный книжный шкаф. Папа был страстным библиофилом. Постоянно пополнял свою библиотеку и меня не забывал. У него была печать – «Из книг священника Иоанна Легкого», у меня – «Из книг Ираиды Легкой». (Через много лет, в новом двадцатом первом столетии, после того как пала советская власть и мы стали общаться с семьями в Латвии, мой двоюродный брат Алик, сын тети Нюры, привез одну из моих книг с печатью «из книг Ираиды Легкой» – «Путешествие женщины на Шпицберген».)

Читать я научилась сама в раннем возрасте. Мама и тетя Нюра сидели в кухне и беседовали. Я пришла и заявила: «Я умею читать». «Да, да», – отмахнулись они, зная, что я многое знаю наизусть. «Дайте мне любую книгу», – разревелась я. Принесли одну из папиных книг, и я стала вслух читать. «Тут мы сообразили, что ты время от времени прибежала и спрашивала: «А это какая буква?» – вспоминала мама. Галя учиться читать не торопилась. «Пусть я буду безграмотной, – говорила она, – что нужно, Ирка мне прочтет». – «Ну, а если тебе нужно будет документ подписать?» – спрашивала мама. – «Я крестик поставлю», – не терялась сестра. Как-то раз меня наказали и поставили в угол рядом с книжным шкафом, где соседствовали книги Чарской и Луиз Мэй

Олькотт (в переводе на русский), Надсон и Гумилев, русские классики. Я стояла и думала, что убегу к дедушке в деревню. Он иногда приезжал в Ригу с чемоданом, полным деревенских гостинцев. Это единственный случай наказания, который помню, а за что наказали – забыла.

Мамина семья жила Риге. Мы часто ездили к ним в гости. Они приезжали к нам. Старший брат мамы, Василий, был железнодорожником. Два младших брата – Андрей и Михаил – иногда рассказывали нам страшные истории, к большому нашему удовольствию. У дяди Андрея был дар к языкам. Он увлекался английским языком и Марк Твенем. О самом младшем брате – Михаиле – мама особенно заботилась. Мама и тетя Нюра занимались рукоделием и нас обучали. Они серьезно обсуждали наш детский гардероб. Часто портниха шила нам пальто и платья одного фасона, но из материи разного цвета. А бабушка учила нас вязать рукавицы, носки и перчатки. В работе по дому маме помогала латышка Люся. Закусив, она часто говорила: «Я наелась до сутра». Мама хорошо готовила. На каждый день недели было свое меню. Иногда она спрашивала, какую мы хотим яичницу, и мы дружно отвечали: «С муком и с молоком».

В монастыре, занимавшем целый городской квартал, детям было раздолье. Было где бегать, играть, прятаться. Как хорошо было лечь и катиться с холма, на котором стоял собор! Помню, что сестра называла себя Алешей Поповичем, а я себя звала Добрыней Никитичем. Каждое лето мы на ме-

сяц уезжали в Пустыньку, так все звали отделение монастыря, расположенное в лесу недалеко от Елгавы, Спасо-Преображенскую пустынь. Там мы научились искать грибы. Сыроежки росли прямо у строений монастыря, за подосиновиками устраивались походы. Грибы монахини заготавливали в большом количестве, впрок к постным дням. Я помню подземный погреб в монастыре в Риге, где стояли большие бочки с квашеной капустой, солеными огурцами, солеными грибами. Мы мечтали о поездке в Пустыньку, но мама говорила: «Сперва надо выколоть грядки с помидорами, а тогда поедем». И мы охотно пололи. Мама умела вдохновлять на труды. Помню, как мы просили ее: «Когда, наконец, мы сможем мыть пол в нашей спальне?».

Мы, дети, любили богослужения – зимой в уютной деревянной церкви, летом – в просторном каменном соборе. Особенно Рождество, Вербную субботу и воскресенье, службы Страстной седмицы, Двенадцать Евангелий. К Пасхе мама усердно готовилась, пекла куличи, делала две пасхи, сырную и заварную. В Пасхальную ночь мы, дети, могли бить в колокола. Колокольный звон раздавался все три дня Христова Воскресения.

Во время первой исповеди я озадачила кротчайшего отца Николая вопросом: «Если Бог все может, почему Он попускает зло?». В семь лет я превратилась из младенца в отроковицу. Этот водораздел, когда впервые идешь к исповеди, был очень значительным.

К духовенству в Латвии относились с почтением, памятуя, как в революцию убивали священников. Отец пользовался уважением и любовью монахинь и прихожан. Жизнь текла так, как она текла, когда здесь была Российская империя. В монастыре все говорили по-русски. Мама и папа владели латышским языком, отец иногда служил по-латышски. В русских гимназиях, в которых они учились, латышский язык был обязательным предметом. А мы в дошкольном возрасте латышского не знали, кроме отдельных фраз. На каком языке мы ругались через дырку в заборе с соседними латышскими мальчишками, я не помню. Как-то раз на вокзале, во время поездки в Пустыньку, мы увидели президента Ульманиса в сопровождении двух-трех человек. Он подошел к нам и всем пожал руки. В Латвии уживались латыши, русские, евреи, поляки, немцы. Перед Рождеством в центре города устраивался Рождественский базар, к большому нашему удовольствию. Елки, ларьки с елочными игрушками, вафлями с взбитыми сливками. Однажды я попросила в подарок к Рождеству немецкий букварь.

В предисловии к книге «Корабли старого города» (Рига: Латвийское общество русской культуры «Даугава», 2005), эмигрантка первой волны Ирина Сабурова писала, что русские в Латвии стали «эмигрантами» только с 1944 года: «... принимая живое участие в жизни Балтийских республик, русские полностью сохранили свой язык, культуру и всячески развивали ее; можно даже сказать, что наше прошлое

(свободная жизнь в свободной стране) – это, Бог даст, будущее России».

Отец часто с нами играл. Однажды одна из нас его нечаянно толкнула. Другая строго сказала: «Не бей, видь священник». Отец занимался на богословском факультете Рижского университета. Я очень ревностно следила за его отметками. Когда он один раз получил четверку вместо обычных пятерок, я разревелась. Он также преподавал Закон Божий. Проповеди его славились. Помню еще, как-то ясновидящая монахиня взглянула на его руку и зарыдала: «О, какие тяжелые испытания ждут Вас на склоне лет...».

Отец всю жизнь относился к архипастырям с сыновней любовью и беспрекословным послушанием. И они его любили. В кабинете отца (когда у него таковой был) висели их портреты. Галерея эта открывалась портретом архиепископа Иоанна Рижского. Он был не только главой Латвийской Православной Церкви, но и членом Латвийского Сейма, куда прошел по списку православных и русских организаций Латвии. Вот как описывает встречу с владыкой Иоанном журналист Андрей Седых в книге «Пути, дороги» (Изд. 1934 г.):

«Архиепископ Иоанн живет в подвале собора. В его "покои" ведет узкая винтовая лестница. Низкие сводчатые потолки, на стенах пятна сырости... Скучно живет владыка. Несколько кресел, стулья. Шкафы с книгами. Иконы. Над столом – большой портрет патриарха Тихона. Кровать за перегородкой.

В углу у печи – груды поленьев. “От нас отняли помещение архиерейского дома, – объясняет владыка. – Тогда в виде протеста я поселился здесь. Делались компромиссные предложения. Хотели купить новый дом, но я отверг. Это значило оправдать беззаконие. Архиерейский дом был православным мужским монастырем, нашей святыней. А помещение сие подвальное – нам к лицу, оно символизирует нынешнее, надо надеяться, временное положение Православной Церкви в Латвии. У нас отнят кафедральный собор, бывший усыпальницей архиепископов. Его превратили в лютеранскую церковь. И много других церквей отнято. Это тем более прискорбно, что, в общем, латыши хорошо относятся к русскому меньшинству и его не притесняют, а вот Православную Церковь загнали в подвал. Говорю это как депутат Сейма, и обвинение неоднократно предъявлял с парламентской трибуны. Долголетняя жизнь в подвале на здоровье моем никак не отражается. Здоровьем меня Господь не обидел. Все в роду такими были. Сила у нас передается от отца к сыну. Дед мой, покойник, Царство ему Небесное, однажды рассердился на коня и легонько стукнул его кулаком по голове. А конь свалился и в тот же час околел. Недавно случай был. Подбегает ко мне шофер: “Владыка, Ваше Высокопреосвященство, помогите автомобиль вытащить. В грязи завяз. Подобрал я ярясу, поднатужился и вытащил автомобиль”.

А вот как описывает архиепископа Иоанна Рижского пар-

ламентский корреспондент Г. Нео-Сильвестр (На буреломе. Воспоминания русского журналиста. – Изд-во «Посев»):

«Высокого роста, плечистый, умные, большие глаза с орлиным взглядом, толстые губы, слегка скрываемые большой окладистой бородой, энергичная, величаявая походка. Каждое выступление его в Сейме было своего рода политическим событием и вызывало в палате депутатов много оживления, так как он был блестящим оратором и природным борцом со злом, особенно с марксистами, в которых видел ярых врагов, не только церкви, но и каждого правового государства. Служил владыка весьма торжественно и благолепно. Величаявая осанка, архиерейское облачение, мощный голос, произносимые с большим чувством молитвы – все это производило на молящихся неотразимое впечатление. Часто в соборе архиепископ обличал атеистов, сеющих безбожие в стране. Эти проповеди доходили до ушей его врагов, раздражали их. Недоброжелателей владыка имел немало, даже среди духовенства, так как он был довольно суров по отношению к тем, кто не исполнял своего пастырского долга. Зато среди русского населения и в Риге и в провинции архиепископа не только любили, но многие его боготворили.

За несколько недель до закрытия Сейма навсегда (переворот Карла Ульманиса 15 мая 1934 г.) член Сейма Янис Поммерн, он же Архиепископ всей Латвии, произнес громовую речь против вожжаков

крайне левых партий, ведущих Латвию к гибели, и потрясал папкой, указывая, что в ней находятся документы, изобличающие подлую работу латвийских марксистов и их пособников, даже из правого лагеря. Разразился небывалый скандал. Социал-демократы вскочили с мест, крича: “Вон, вон”; некоторые из них, потрясая кулаками, грозно бросились к оратору. Председатель Сейма водворил порядок. Оратор продолжал, улыбаясь: “Этот шум и свист напомнил мне случай, происшедший со мной на юге России. Однажды ночью за мной, тогда еще молодым священником, заехал крестьянин и повез меня к своей умирающей матери. При въезде в деревню на нас напали с яростным визгом собаки, с очевидным желанием наброситься на меня и разорвать на куски. “Не бойся, батя, – сказал мне возница, – это они приветствуют тебя на своем собачьем языке”. Что говорил оратор дальше, разобрать было невозможно вследствие невероятного шума. Заседание пришлось закрыть».

В 1984 году в издательстве Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, штат Нью-Йорк, вышло жизнеописание Святителя Иоанна (Келер Л. Никем не сломленный. Жизнь и мученическая кончина архиепископа Рижского Иоанна (Помера), 1999). Людмила Келер считает самым удивительным то, что архиепископ Иоанн – по духу и по своей любви к России – истинно русский, был латышом по происхождению. Он родился в латышской крестьянской семье. В детстве бу-

душий Владыка помогал родителям в хозяйстве, первым его «послушанием» было пасти стадо. Прадед его одним из первых принял православие, за что подвергался преследованиям со стороны немцев. У владыки были блестящие способности, он получал стипендии на протяжении всего училищного и семинарского курса. Во время летних каникул помогал родителям в крестьянских работах. Киевскую духовную академию он окончил в 1904 году. В Чернигове и Вологде проявил себя как блестящий педагог и администратор, ряд лет работал с обществами народной трезвости и трудовой помощи бедным. В 1911 году его рукоположили во епископы. Епископское служение он проходил в епархиях Минской, Приазовской и Пензенской. В первые годы после революции владыка подвергался преследованиям, на его жизнь покушались, арестовывали. Верующие стояли за него горой. «Служение в Пензенской епархии после октябрьского переворота было одним из самых тяжелых периодов пути будущего мученика», – пишет Людмила Келер.

Иоанн, Архиепископ Рижский и Латвийский, был злодейски замучен 12 октября 1934 года в ночь с четверга на пятницу, на архиерейской даче, на Киш-Озере, около Риги. Владыка был в это время в расцвете сил (ему не было еще и 60 лет); он был самой крупной фигурой в церковной и общественной жизни православной Прибалтики. Через несколько дней торжественно хоронили главу Православной Церкви Латвии. Улицы вокруг собора были запружены народом.

Движение было остановлено. Люди в соборе стояли на коленях и плакали. Все были ошеломлены и подавлены. Гроб владыки выносили под звон колоколов. Похоронили его на Покровском кладбище. «Преступление никогда не было раскрыто. О том, кто были истинные вдохновители злодеяния, в Латвии знал каждый ребенок, но официальное обвинение никогда не было предъявлено: следы вели в советское посольство. Пресса не могла писать об этом: слишком зловеща была тень, которую кидал могущественный сосед на маленькую двухмиллионную страну. Непосредственные исполнители остались неизвестными, но всем было ясно, что это были наемники красного Кремля: приказ об убийстве был дан оттуда», – пишет Л. Келер.

При пострижении отца в монашеский чин в августе 1990 года ему оставили прежнее имя, в память рукополагавшего его в священный сан священномученика Иоанна, архиепископа Рижского.

Одно из воспоминаний моего беспечального детства – поездка к бабушке в деревню, в Латгалию. В скромном приходском доме дедушки и бабушки весело и дружно жили три поколения, иногда друг друга поддразнивая. Младшие сестры отца нашли дневник самого младшего брата Анатолия и, смеясь, декламировали из него: «Познакомься с Татьяной Мальковой, я впервые узнал, что такое любовь». Дядя Анатолий был старше меня и двоюродной сестры Тамары всего на семь лет, а мы обе родились в этом доме. Мы ходили в лес,

ездили на сенокос, катались на телеге, смотрели, как прыгает через костры деревенская молодежь в ночь под Ивана Купалу.

Летом 1939 года отец принял участие в паломничестве на Валаам, вернулся, полный впечатлений. В конце жизни нередко вспоминал: «Кто бы мог подумать, что мальчик, с нами в лодке сидевший, станет Патриархом всея Руси...»

Псковская миссия

В 1939 году были подписаны пакты – советско-германский о ненападении и советско-латвийский о взаимопомощи, на основании которого СССР получил право на военные базы в Латвии. Жизнь перевернулась. «Обреченность Латвии становилась очевидной и, охваченное тревогой за свое будущее, население осенью – зимой 1939 года скупает в магазинах продукты», – пишет в прекрасной книге «Под покровом Тихвинской иконы» историк Александр Гаврилин. «Семнадцатого июня 1940 года советские войска перешли границу Латвии и в течение нескольких часов оккупировали латвийскую землю». Летом 1940 года было запрещено преподавать Закон Божий.

Сестра до сих пор остро помнит то время, ей было 4 года: «Куда прятать отца? Чуть только позвонит телефон – мы узнавали, что еще кого-то арестовали. Я жила в большом страхе, думая, что отца придут забирать. А он еще проповедовал, громя безбожную власть. Мама всегда чуть не плакала перед службой и умоляла его говорить только на евангельские темы. У нас в доме был большой шкаф, но если его за шкаф спрятать, все равно найдут».

В 1940 году я пошла в школу. До этого занималась с еще несколькими ребятами у частной учительницы, умела читать, писать, знала арифметику. Самое яркое воспоминание

осталось от дамы, временно заменяющей обычную учительницу. Она рассказывала о фильме «Тарзан, приемыш обезьян» и еще об одном фильме, заканчивавшемся волнами, на которых выступало слово *ТАБУ*. Еще помню, как мне давали декламировать стихотворение о Сталине и его трубке. В классе у меня были две подруги, одна – староверка, другая – еврейка. Я была любимицей класса. Несмотря на это, после того, как у меня во время урока гимнастики выпал из-под воротничка крестик, мальчишки меня побили по дороге домой; было обидно, но не очень больно. Дома я об этом никому не сказала. В те годы сестру отличала тревога об отце и забота о справедливости. Частое ее выражение – «это была человеческая несправедливость». Мне же было свойственно полное отсутствие чувства страха.

«С первых дней советской власти в Латвии было развернуто наступление на религию и Церковь», – отмечает А. Гаврилин. Было запрещено преподавание Закона Божьего в школах, закрыты богословские учебные заведения, Церкви запретили работу с детьми и молодежью, миссионерскую и издательскую деятельность. В латвийской прессе появились яростные нападки на религию и священников. «...Методы психологического давления на верующих и духовенство приобретают самые грубые, разнузданные формы», – пишет А. Гаврилин. Он обстоятельно описывает и сильнейший экономический нажим на Церковь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.